

I. Священная исторія Новаго Завѣта въ пас- тырскихъ поученіяхъ.

Распятіе I. Христа на Крестѣ.

*О Трѣблаженное древо, на-
немже распяся Христосъ, Царь и
Господь [Ирм. Кан. на Воздвижен.]*

Воины, надругавшихъ надъ Иисусомъ Христомъ, сняли съ Него багряницу, одѣли Его въ одежды Его, и повели Его на распятіе. Крестъ, на которомъ Онъ долженъ быть распятъ, возложили на Него. Но такъ какъ Онъ, будучи утомленъ, изнемогалъ подъ тяжестью креста, то воины, встрѣтивши на пути одного Киринаянина, по имени Симона, возложили крестъ на него. Вели съ Иисусомъ Христомъ на казнь двухъ преступниковъ. Привели ихъ на Голгоѳу, гдѣ и распяли Иисуса Христа и съ Нимъ двухъ разбойниковъ, по ту и по другую сторону, такъ что Иисусъ Христосъ былъ посреди ихъ. Такимъ образомъ исполнилось пророчество Исаи: и со беззаконными вмѣнися (Ис. 53, 12). Господь молился Богу Отцу: „Отче! прости имъ; они не понимаютъ, что дѣлаютъ“. Послѣ распятія воины раздѣлили между собою одежды Его, а хитонъ, который былъ не сшитъ, но сотканъ, не дѣлили, а кинули о немъ жребій, кому достанется. Такимъ образомъ сбылось, что сказано въ книгѣ псалмовъ: раздѣлиша ризы Моя себѣ, и о одеждѣ Моей меташа жребій (Псал. 21, 19). На верхней части креста была прикрѣплена дощечка съ надписью: „Иисусъ Назорей Царь Іудейскій“. На Голгоѳѣ толпился народъ. Проходя мимо, кивали головами своими и говорили: Э! разрушающій храмъ, и въ три дня созидающій! спаси Себя Самаго; если Ты Сынъ Божій, сойди со креста. Подобно тому и первосвященники съ книжниками и старѣйшинами съ насмѣшливостію говорили между собою: другихъ спасалъ, а Себя Самого не можетъ спасти. Если Онъ Христосъ, Царь Израиля, пусть теперь сойдетъ со креста, тогда повѣримъ Ему. Онъ уповалъ на Бога, пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему. Между прочимъ и одинъ изъ повѣшенныхъ съ Нимъ злодѣевъ съ ругательствомъ говорилъ Ему: „если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ“. Но другой унималъ его: „Бога ты не боишься, когда и самъ осужденъ на ту же казнь. Но мы

осуждены справедливо, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ“. И сказалъ Иисусу Христу: „Помяни меня, Господи, когда приидешь въ царствіе Твое“ (Лук. 23, 42). Иисусъ Христосъ сказалъ ему: „Истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“. При крестѣ Иисуса Христа стояли: Матерь Его и любимый Его ученикъ Іоаннъ. Увидѣвши Матерь и любимаго ученика, Иисусъ Христосъ говоритъ Своей Матери: „вотъ сынъ Тебѣ“. Потомъ говоритъ ученику: „вотъ Матерь тебѣ“. Съ этого времени Іоаннъ принялъ Богоматерь въ свой домъ на свое попеченіе. Около полудня сдѣлалась тьма по всей землѣ и продолжалась часа три. Около девятаго часа Иисусъ Христосъ громкимъ голосомъ возопилъ: „Боже Мой, Боже Мой! почто Ты Меня оставилъ“? Послѣ сего Иисусъ Христосъ сказалъ: „жажду“. Воины, напоивши укусомъ губу и возложивши на трость, поднесли къ устамъ Его. Отвѣдавши укусу, Онъ сказалъ: „совершилось!“ Потомъ громкимъ голосомъ возопилъ: „Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой!“ и преклонивши главу, предалъ духъ. И вотъ, завѣса въ храмѣ раздралась пополамъ, сверху до низу; земля потряслась; разсѣлись скалы; открылись гробы, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли; и вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Иисуса Христа, воскресшіе вошли въ городъ и многимъ являлись. Сотникъ и другіе воины, съ нимъ бывшіе, видя происшедшее, говорили: точно, Этотъ Человѣкъ былъ Сынъ Божій. И весь народъ, который сошелся смотрѣть на Голгоѳу, увидавши происходившее, возвращался, бия себя въ грудь, Члены Синедріона, дабы не оставить тѣлъ на крестахъ въ субботу, просили Пилата, чтобы онъ приказалъ перебить у распятыхъ голени и снять ихъ. Воины, получивъ приказаніе, перебили голени у разбойниковъ, но, подошедши къ Иисусу Христу, увидѣли, что Онъ уже умеръ; потому не перебили у Него голени, а одинъ изъ воиновъ пронзилъ Его копьемъ въ бокъ; и вдругъ потекла кровь и вода. Ибо сіе произошло, да сбудется Писаніе: кость Его да не сокрушится (Исх. 12, 46). Воззрятъ на Того, Котораго пронзили (Зах. 12, 10); (Матѳ. 27, 21—56; Мар. 15, 20—41; Лук. 23, 26—49; Іоан. 19, 16—37).

Іудеи и идолопоклонники съ презрѣніемъ глумились надъ христіанами за то, что они вѣруютъ въ распятаго Господа; по слову апостола, распятый Христосъ былъ для іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе (1 Кор. 1, 23).

Глумиться надъ крестомъ и надъ вѣрующими въ распятаго Христа могутъ только люди, не размышляющіе о глубинѣ паденія человѣка, о гибельной силѣ грѣха, не сознающіе безпредѣльнаго правосудія Божія и неизреченной Его любви къ человѣку. Человѣкъ, согрѣшившій и сообщившій гибельныя послѣдствія грѣха всему своему потомству, заслуживалъ позорнѣйшей казни, въ возмездіе не за себя только, а за весь родъ человѣческій, отъ него происшедшій. Крестная казнь была самая позорная и самая мучительная, и эта-то казнь была избрана Господомъ или точнѣе была предопредѣлена въ предвѣчномъ Божіемъ совѣтѣ (Дѣян. 2, 23; 4, 28; Лук. 24, 44, 46). Согрѣшившій человѣкъ оскорбилъ безпредѣльно правосуднаго Бога. Воплотившійся Сынъ Божій, Своими крестными страданіями всецѣло удовлетворивъ безпредѣльному правосудію Божію, въ то же время пробудилъ въ человѣкѣ непоколебимую любовь къ Богу. Апостоль Павелъ говоритъ: „Кто отлучаетъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе или голодъ... или мечъ?... Все сіе преодолѣваемъ силою возлюбившаго насъ“ (Римл. 8, 35, 37). Согрѣшившій человѣкъ, потерявъ все данное ему милосердымъ Богомъ, скоро почувствовалъ боль своего паденія, созналъ свою беспомощность и принесъ глубокое искреннее раскаяніе. Въ Церкви поется: сѣде Адамъ прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше. Милосердый Богъ сжалился надъ нимъ: не нарушая правосудія, Сынъ Божій благоволилъ перенести на Себѣ ту казнь, которую человѣкъ заслужилъ своимъ грѣхопадениемъ.

Извѣстно, что искренняя, неподдѣльная любовь доставляетъ радость, блаженство любящимъ и любимымъ, такъ что любящій и въ страданіяхъ для любимаго существа находитъ наслажденіе. У пророка Исаи говорится: „и на подвигъ души Своей Онъ (І. Христосъ) будетъ смотрѣть съ довольствомъ“ (Ис. 53, 11). Всеблагій Господь находилъ удовольствіе въ томъ, что спасъ падшаго человѣка чрезъ Свое страданіе, возвратилъ его къ блаженной жизни, чрезъ что показалъ Свою безпредѣльную любовь къ человѣку (Іоанн. 15, 13). Въ то же время, какъ говорится у пророка, Богъ прославилъ святость Свою правдою (Ис. 5, 16). Одного воздаянія за грѣхъ недостаточно для возстановленія падшаго и разстлѣннаго грѣхомъ человѣка; его нужно ободрить, ему нужно показать и доказать, что

Богъ всегда безпредѣльно милосердъ. Посему Господь, употребивъ могущественное и самое дѣйствительное средство для спасенія человѣка, показалъ всему роду человѣческому, насколько Онъ любвеобиленъ и милосердъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ Своими крестными страданіями показалъ, какъ нужно вести борьбу съ грѣховными наклонностями, чтобы достигнуть совершенства, святости и блаженства. Человѣку остается только воспользоваться этими указаніями и смиренно просить Божіей помощи въ несеніи своего Креста.

Извѣстно, что ни у одного человѣка жизнь не обойдется безъ креста; каждый человѣкъ,—вѣрующій онъ или невѣрующій,—несетъ свой крестъ, несетъ своего рода страданіе въ жизни. Только замѣчается большая разница въ несеніи крестовъ между вѣрующимъ въ Распятаго Господа и не вѣрующимъ въ Него. У вѣрующаго христіанина есть путеводный крестъ Христовъ; онъ знаетъ, какъ ему нужно нести свой крестъ, чтобы не пасть подъ его тяжестью, чтобы кончить свое крестоношеніе съ честію; напротивъ, невѣрующій безутѣшно терзается своимъ крестоношеніемъ: онъ бессильно стремится сбросить съ себя иго креста, а крестъ все тяжелѣе ложится на него.

Отъ всѣхъ христіанъ Божественный Крестоносецъ требуетъ несенія креста невещественнаго, для того, чтобы побѣждать враговъ видимыхъ и невидимыхъ, чтобы рѣшительно удаляться отъ мірекихъ пагубныхъ соблазновъ ради любви къ Господу, какъ бы умереть для требованій міра, чтобы свободнѣе жить для Бога. Но міролюбцы скажутъ: значить, крестъ стѣсняетъ всю жизнь человѣческую, такъ что человѣкъ не можетъ наслаждаться благами міра, которыя созданы всеблагимъ Богомъ для человѣка, чтобы человѣкъ наслаждался сими благами во славу Божію? Нѣтъ, крестъ не стѣсняетъ и не пренятствуетъ наслаждаться благами міра во славу Божію, а только умѣряетъ эти наслажденія, чтобы они не вышли изъ границъ наслажденій во славу Божію, не перешли къ наслажденіямъ въ угоду страстямъ и въ своемъ круговоротѣ не сгубили бы наслаждающихся навсегда. Наслажденія позволительны, но съ тѣмъ только, чтобы грѣхъ не примѣшивался къ нимъ. Вотъ крестъ и долженъ служить стражемъ для человѣка отъ грѣха. Пускайся въ море житейское, но смотри, какъ бы далеко не отбиться отъ Креста Христова и не погибнуть въ бурныхъ волнахъ сего моря.

„Симъ побѣждай“ все враждебное благу твоей души, — всякую печаль, всякую скорбь побѣждай крестомъ. Безсиленъ человекъ вести борьбу съ своими страстями безъ креста; въ крестѣ находится источникъ несокрушимой силы. Мало того, что крестъ здѣсь на землѣ служитъ для истиннаго христіанина утѣшеніемъ и ободреніемъ, онъ явится во дни втораго пришествія Господня (Матѳ. 24, 30), какъ знаменіе побѣды жизни надъ смертію, добра надъ зломъ, блаженства надъ мученіемъ, какъ утѣшеніе для страдавшихъ въ мірѣ семь ради Христа, ради своего спасенія. Аминь.

ЗАЧѢМЪ ОНЪ СТРАДАЛЪ?

Рассказъ изъ книги жизни, посвящается матери страдальца.

Великій четвергъ... 7 час. вечера. Надъ большимъ губернскимъ городомъ сгустились сумерки. Въ воздухѣ чувствовалась уже весенняя прохлада, предвѣстница скорого тепла, которое должно было оживить уснувшую въ зимнемъ увяданіи природу. Чувствовалась какая-то торжественная тишина, которая такъ пріятно ласкала истерзанной городской сутолокой слухъ обывателя. Вдругъ въ вечерней тишинѣ съ высоты соборной колокольни, царившей надъ всѣмъ городомъ, раздался благовѣстъ могучаго колокола. Ему отвѣтили одинъ за другимъ съ ближайшихъ церквей, а за ними и отдаленныхъ. И полились надъ городомъ звуки мѣдныхъ великановъ. Но то былъ печальный звонъ! Рѣдкіе, мѣрные, заунывные, постепенно стихавшіе звуки благовѣствовали землѣ на сей разъ не радость велию, а скорбную вѣсть о томъ, что должно было читаться въ эту ночь тамъ, внутри храмовъ, съ скорбныхъ страницъ св. евангелія, въ двѣнадцати картинахъ повѣствующаго намъ о безпримѣрной трагедіи въ исторіи человечества, о страданіяхъ Святѣйшаго Праведника, и какихъ страданіяхъ, позорною наносною смертію на крестѣ!!! Печальные звуки колоколовъ въ вечернемъ сумракѣ, казалось, были отголосками скорбныхъ вздоховъ Бога Отца Небеснаго, такъ возлюбившаго міръ, что и Сына своего Единороднаго за всѣхъ давшаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную! (Іоан. III, 16). И на благовѣсть колоколовъ спѣшили въ храмы Божіи вѣрующіе христіане, съ серьезными, задумчивыми лицами. Каждый зналъ, какая глубоко умилительная, способная тронуть самое черствое сердце церковная служба должна была совершаться въ эту ночь! Съ необыкновенною духовною красотой этой ночи можетъ сравняться только другая ночь, — свѣтзарная, имѣющая быть на третій день послѣ этой ночи, провозвѣстницы ея!

Въ большомъ дворянскомъ домѣ, расположенномъ недалеко отъ приходскаго храма, было какъ-то особенно тихо. Здѣсь было великое семейное горе. Общая лю-

бимица всей семьи, пятилѣтняя дѣвочка Галина лежала въ горячечномъ бреду. Съ ней было крупозное воспаление легкихъ, и бывший утромъ докторъ сказалъ отцу, что въ эту ночь долженъ быть кризисъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, но чѣмъ кончится борьба жизни съ смертію, онъ не знаетъ... Несчастіе это какъ громомъ поразило семью. Отецъ и мать не одинаково отнеслись къ нему. Отецъ, полувѣрующій интеллигентъ, совершенно равнодушный къ религіи и св. церкви, выслушавъ приговоръ знаменитаго врача, какъ то растерянно развелъ руками и не зналъ, что дѣлать ему: сказать матери, или нѣтъ, предоставивъ все судьбѣ или Богу, какъ вѣруетъ она. „Нѣтъ не скажу, будь, что будетъ“! О себѣ онъ ничего не могъ сказать. Вѣры въ Бога онъ еще окончательно не утратилъ, но занятый служебной и внѣ служебной обычною свѣтскою суетой, онъ какъ то не думалъ о своемъ отношеніи къ Богу и все откладывалъ подумать объ этомъ серьезно до другого времени. Мать же была женщина глубоко-вѣрующей, воспитанной въ традиціяхъ старинной дворянской семьи, сѣмѣвшейся благотворнымъ вліяніемъ ея матери, бабки и няни влить въ нее религиозное чувство не катихизисомъ, а тихой любовью, безпредѣльною вѣрою въ Господа Бога, любовью ко Христу, своимъ личнымъ примѣромъ и такими, кажущимися современнымъ невѣрующимъ интеллигентамъ съ его горделивыми и пытливыми запросами ума, обрядами — приемами, какъ зажиганіе лампадокъ, посѣщеніе храмовъ Божіихъ, суровыми постами, вкушеніемъ какъ величайшихъ святыхъ всего міра, просфоръ и т. д. Какъ все это ласкало ея религиозное чувство, было мило ея сердцу. Такую же атмосферу религиозности, съ оттѣнкомъ именно церковности, она внесла и въ свой домашній очагъ. На этой почвѣ у нея на первыхъ порахъ бывали иногда столкновенія съ мужемъ, недоходившія впрочемъ до серьезныхъ размолвокъ. Чуждый и въ раннемъ дѣтствѣ такой именно согревающей дѣтское сердце религиозной атмосферы, въ которой росла его жена, не выдавший ничего и въ школѣ кромѣ бессмысленнаго зазубриванія сухихъ школьныхъ учебниковъ по Закону Божію, онъ былъ въ какомъ-то нравственномъ одичаніи. Благодаря впрочемъ хорошимъ нравственнымъ задаткамъ, онъ остался всетаки вѣрнымъ своему нравственному чувству, и жена любила его именно за его нравственную порядочность, благородство ума и чувства. Никогда не позволяя себѣ шутить или издѣваться надъ религиознымъ чувствомъ жены, котораго онъ не имѣлъ, онъ прсбывалъ было только возражать противъ именно обрядовъ и таинствъ, называя это съ легкой руки Толстого чуть не колдовствомъ. Но потомъ, видя, какъ это оскорбляетъ жену, которую онъ любилъ, онъ уступалъ ей во всемъ, что касалось воспитанія дѣтей въ семьѣ, на полное ея попеченіе, и жизнь ихъ пошла ровной, спокойной струей. Какъ вдругъ случилось это несчастіе!.. Вотъ и теперь мать отправила другихъ дѣтей съ няней-старушкой къ стоянію, а сама осталась у постели больного ребенка. Въ первый разъ за всю ея жизнь, какъ она помнитъ себя, въ этотъ вечеръ вели-